

Литература, наука и искусство

Неизвестные люди на Памире.

Недавно выехала на Памир большая советско-германская экспедиция для исследования этой малоизученной области в Центральной Азии. Нужно полагать, что работы экспедиции увенчаются успехом.

Оказывается, недавно экспедицией проф. Ташкентского университета Денисова на Памире было открыто неизвестное до сих пор «древнее славянское племя». Проф. Денисов с двумя студентами—практикантаами в ущелье Сардах на Памире встретил группу людей, говоривших на ломаном таджикском языке, в котором попадалось очень много корней славянских слов.

Профессор Денисов так описывает свою встречу с ними.

Экспедицию провели в кишлаке, где на большом камне перед домом сидел горец, одетый в огромную шубу из невыдубленной шкуры медведя. На голове у него была огромно-красная чапма с длинным хвостом, переброшенным через плечо.

Горец назывался Чуйлик-Хаджа и заявлял, что он потомок одного из древних славянских племен... Он жил во «дворце»—маленькой каменой избушке с деревянной дверью. Обстановка была обычной для таджикского жилья. В потолке было прорезано четырехугольное отверстие, а посреди комнаты стоял кирпичный очаг; в углу комнаты были сложены богатые ковры, а на стене висел драматический винчестер. Чуйлик-Хаджа был «князем» этого поселка: ему подчинились таджики, разговаривавшие на языке со славянскими корнями.

По мнению местных этнографов «неведомое славянское племя» следующего происхождения: когда царская Россия много десятков лет тому назад стремилась завоевать Среднюю Азию, большинство солдат отказывалось сражаться и эти дезертиры бежали на Памир. Они поселились на землях, подластих Бухарскому эмиру. Таким образом вышли русские солдаты и их поколение «превратились в таджики», они внесли в таджикский язык часть корней русских языков.

Среди среднеазиатских этнографов по поводу происхождения этого племени идет длительная полемика. Т. Любимов.

Н. Г. Чернышевский и Искусство.

24 июля исполняется сто лет со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского, автора романа «Что делать?». Его взгляды на искусство выражены в статье «Эстетические отношения искусства к действительности».

По Чернышевскому, значение искусства не в том, чтобы украшать действительность, а чтобы воспроизводить ее. Конечная цель—возможно большее счастье возможно большого числа людей.

По своему содержанию искусство не ограничивается одним прекрасным и его так называемыми моментами, а обнимает собою все, что в действительности (в природе и в жизни) интересует человека: обучение искусству.

Второе значение искусства—объяснение жизни. «Поэт или художник, не будучи в состоянии перестать быть человеком вообще, не может, если бы и хотел, отказатьсь от пропаганды своего приговора над изображаемыми явлениями; приговор этот выражается в его произведениях,— вот новое значение произведения искусства, по которому искусство становится в число нравственных действительностей человека.

Нельзя не согласиться, что такое толкование искусства близко напечатанию и немудрено, что в программе (на мой личный взгляд) нашего нового сибирского журнала «Настоящее» много от Чернышевского.

Кузнецу грядущего.

Ты недаром ударом смелым
Плещешь молнией алых брызг
И под звуны стального тела
Строишь новую, славную жизнь.

Кому будни и нудны и серы,
Но твоя не ослабнет прыть,
Ты в грядущее с пущей верой
Будешь дальше все плыть и плыть.

В неудачу не плачешь, не ноешь,
Через бури, невзгоды и дождь
Смелой поступью, бодрой, стальною
Ты к грядущему твердо идешь.

Ты знаком со штыком и пикою;
Ныть и плакать не дано тебе.
И фундамент грядущего выкучишь—
Днепрострой и сибирский Гельбесс.

Годы стройки склонят время
И воздвигнет дворцы вместо изб,
Воспоют тогда внуки в поэмах
Твоих буден стальной геройзм.

П. Речин.

Как это случилось?

Худенькая, маленькая, жизнью выкроенная, чужою плитой высуненная, солнца глас не гас она—Дарья Мокеевна. Радость полную, блескуюю носят в груди, в жилках истянутых, глазах исплаканных: полнят сердце дочь—умница, красавица писаная.

17 лет как подземельем тесным ползла Мокеевна, трудный грох дошла Манюша. 17 лет землю пухом делала Дарья Манюша, в кровь ломая нутренные ногти.

Доктором в мечтах видела уже Манюшу. Да и могло ли быть иначе! Кто бы посмел не дать ей доучиться, когда мать раздевала, оголяла себя, ради нового ученика Манюш? На пальчиках ходила мать, когда Манюша сдавала зачеты.

Да и разве доче не комсомолка, а она, Мокеевна, не делила с мужиками тяжести и горести гражданской войны?

Товарищ Нагуро в знает кто мыкался с его партизанами отрядами в зной и стужу, рвал свое последнее белое на перевязку ран. Он и теперь так дружески—теплоглядит на нее, когда она, его «захвозд» и кухарка, чистит вилки, согнувшись у плиты.

Конечно, пути их разошлись: он—орел большущий, большими общественными делами ворочает, а она... Что-ж, неграмотная, робкая, большая могла ли она сменить колено?

Манюша—другое дело. Манюша тоже орлица. Ей пути впереди широкие.

Вечерами длинными все мысли о ней, о Манюше. А в одно из утра все до одной синекажи на улице показались Дарье радужными. Расцепило их слово «рабфак» из уст Манюши. Год проработает на маюпочной фабрике, а через год обещают послать в рабфак.

Так и цвело это слово «рабфак» в груди Дары Мокеевны, чистила ли

Широковещательную станцию или городской радио-трансляционный узел?

К вопросу о постройке широковещательной станции в Барнауле.

(В порядке обсуждения).

Около месяца тому назад в соответствующих организациях Барнаула был поднят вопрос о постройке радиотрансляционного городского узла, «трансформировавшийся» почему-то к настоящему времени в вопрос о постройке «Окружной Широковещательной радиотелефонной станции».

Таким образом, весьма хорошее и нужное начало превратилось в затею весьма сомнительного целесообразности.

Расстояние до самого отдаленного пункта нашего округа равно приблизительно 200 км., а это значит, что проектируемая радиостанция должна обслуживать территорию с указаным радиусом и иметь достаточную мощность, чтобы дать возможность принимать ее на простой кристалл. детекторный приемник, что ставится основной задачей постройки.

Почти все наши клубы и очень много красных уголков имеют свои радиоприемники, но большинство из них молчат или работают от случая к случаю, потому что нет опытных технически грамотных товарищей и нет, ответственных за исправность установки, лиц; кроме того, отсутствие ремонтных мастерских, зарядной станции и проч. является тоже большим тормозом в радиоработе.

Эти и ряд других причин, не только нас в провинции, но даже в Москве, Ленинграде и других крупных центрах настолько оказались значительными, что вызвали даже и там постройку трансляционных узлов, обслуживающих громкоговорителями площади, клубы, красивые уголки и отдельные квартиры.

Постройка узла дает возможность сразу же покончить со всеми «радионеисториями» и освободить большое количество радиоаппаратуры по пониженным ценам для деревни.

Стоимость постройки весьма солидного узла на 30-40 громкоговорителей и несколько сот телефонов обойдется не более 2.000-2.500 руб., эксплуатационные же расходы не превысят 200 руб. в месяц, что, при нормальной постановке дела, безусловно, окупится абонементной платой.

Кроме того, источники питания столь мощного узла дают возможность постройки телефONO-телефОНного «коротковолнового» передатчика, мощностью достаточной для деловых телефонных сообщений со всеми РИКами округа, сам же трансляционный узел можно с большим успехом, как это и делается в Москве и прочих городах, использовать в любое время для местных передач: митингов, рабочих полдней, лекций, бесед и проч.

Со всеми этими дополнительными устройствами радиоузел обойдется в постройке не дороже 3.000 рублей.

Остаток в 3.000 р. (на «широковещательному») предполагалось, как мне известно, отпустить 6.000 р.) можно, и даже необходимо, отпустить на постройку радиопредставника для обслуживания экскурсий, выездов изобретений и проч., на постройку стандартных коротковолновых приемников для РИКов, организацию небольших ремонтных мастерских и, что особенно важно, на организацию месячных курсов районных радиоинструкторов, которыми могли бы быть изб-читатели. Н. АРЕФЬЕВ.

Продолжительность жизни животных.

Ржаные межи.

Я по своему в жизни молод, Я по своему весел и жив, Мне смеются усатым золотом Дорогие колосья с ним. В них я вырос мальчишкой—буяном, С ними песни свои певал, Васильками и рожью пьяный Меня ветер буда-то звал. Ветер был для меня попутчик В перепутанных, колых межах, И хотел в скороды обуться Без дождя вместе с ним бежать. Молодая пыльца сила, Колыбель аржаная тесна, В голубые дали просилась, Когда в сердце цветла весна; Когда звонкий был запевало, А в груди васильков букет, Бегал я в рубашонке алой Босоногий, вихрастый щекет. И, задав стражу от мамки, Я скакал по роще вдали, Мне хотелось, чтоб белые жемчи Там настество грибов росли, И когда, уставши под вечер, Засыпал почти на бегу, Выходил ко мне лес навстречу В нем я видел бабу—ягу... И тогда был по своему молод, По мальчишески весел и жив: Мне во сне улыбались золотом С голубыми глазами межи.

Словно стая голодных галок, Прокружились немало дней, Много лет вперед прошагало, А мне край мой еще родней. Без измены поля все те же И шуршат наливные ржи. С васильком обнимаясь, как прежде, Убегают далеко межи. Нобегут по иному тракту, По дорогам других полос. Раскроют их по новому трактор В разворотах своих полос. И теперь, как и прежде, молод. И по молоду весел и жив. И смеющимся золотым Зажигают мне сердце межи!

ТЕАТР. Царь Федор Иоаннович.

В драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис»—А. Толстой впервые сделал попытку вывести русских царей в их настоящем, подлинном виде.

Особенно удалось автору это сделать во второй части трилогии «Царь Федор Иоаннович», где в центральной фигуре драмы выведен действительно живой тип царя, так ярко характеризующий царя «всех Руси». Несмотря на некоторые художественные и сценические недостатки (тижелог стиха, излишняя сухость и растянутость и проч.), «Федор Иоаннович», как и вообще вся трилогия А. Толстого, является довольно крупным произведением в драматической литературе и не потеряла своего интереса и для наших дней.

Правда, наш зритель теперь уже относится к «царским» спектаклям, которое его в большинстве привлекает уже другими свойствами—чисто театральными.

С постановкой «Федора Иоанновича» наш драмколлектив справился. В первую очередь, конечно, нужно отметить тщательное сценическое оформление.

С большим вкусом сделанный красочный декоративный фон, соответствующий стилю эпохи, придавал спектаклю выразительность и эффективность.

Заслуживает внимания и актерское исполнение.

Вылепил интересную фигуру царя-слабумка—дегенерата артист Волхов. Как и всегда, сильно и выдержанно сыграл Баскай, давший тип хитрого правителя царства, Бориса Годунова. Убедительную фигуру воина Шуйского дал Ильченко. Хорошо играли Носов (Шуйский Василий), Смельская (царица Ирина), Виндинг (Василиса) и др.

Плохо только то, что коллектива в системе западзывания началь спектаклей. Вместо обозначенных 9 часов, спектакли всегда начинаются в 9 с половиной и даже 10 часов и тянутся до 2-х часов ночи. Куда же годится такая аккуратность?

Затяжка спектаклей может только влиять на посещение спектаклей зрителем, в большинстве которых является служащей и рабочей маской.

К-ин.

деться с кем-нибудь, бросив школу и комсомол? Быть может Вася... Нет, он ничего не знает.

* *

— Нет, ты мне скажи, Витюк, почему ты бегал из отряда в отряд? Разве так пионер делают?

— Ну раз же мне, папа, так нужно было... — наудал Витюк.

— Да как ты знаешь, что так нужно?

— А знаю... Когда в отряде ничего не делают, вожатый тянут, ну, и кощечи.

— Так нужно вожатого менять, а не отряд.

— А потом еще переходить в тот отряд, который намерен в лагерь ехать. Это тебе не фунт изюму—лагерь.

— Ну и кочуй, как бродяга. Так и в комсомолцах тебе не бывать.

— Ну и пусть! Васька не комсомолец, да ведь живет же.

— Что такое? — Вскочил Нагуро, — Васька...

— Ну да, не комсомолец. Он только тебе не говорит.

Нагуро тяжело дышал. Васька смотрел в окно, а Тамарочка, закрутивая на плойку прядь волос, лукаво поглядывала на Ваську, поливая крашеные губки.

— Как это случилось? — хранил спросил Нагуро, ня кому собственно не обращаясь.

— Механики листьями осенними крутились в голове Нагуро и ему казалось, что он уперся лбом не в стекло, а в какой-то неумолимый тупик, который надо немедленно разбрать.

— А за стеной ручьем бурлили молодые голоса, слышались смех, звуки, звуки музыки, в интервалах—две голоса, должно быть твои товарищи Васи, обсуждали вопрос об оппозиции.

— И все же... Нагуро не знал о своей смене ровным счетом ничего.

— Быть может и его Тамарочка «сой-

ется» с кем-нибудь, бросив школу и комсомол.

— Нагуро казалось, что кто-то не видимый, но враждебный, пользуясь тем, что ему было некогда, тащил его детей, детей старого, гнущегося под временем общественной работы, работника, с прямого пути на мелкие, извилившимися дорожки...

— Имя ему, врагу... — Был старый, пошлый, жадный быт.

Старый партизан тупо смотрел на свеже—заквенный локон Тамарочки и думал: — Как это все случилось?

Агния Сенч.

